

Содержание

Сенека. Нравственные письма Луцилию	7
Письмо 1	9
Письмо 2	10
Письмо 3	10
Письмо 4	11
Письмо 5	13
Письмо 6	14
Письмо 7	15
Письмо 8	17
Письмо 9	18
Письмо 10	21
Письмо 11	22
Письмо 12	24
Письмо 13	25
Письмо 14	28
Письмо 15	30
Письмо 16	32
Письмо 17	33
Письмо 18	35
Письмо 19	37
Письмо 20	38
Письмо 21	40
Письмо 22	42

Письмо 23	44
Письмо 24	46
Письмо 25	49
Письмо 26	50
Письмо 27	52
Письмо 28	53
Письмо 29	54
Письмо 30	56
Письмо 31	58
Письмо 32	60
Письмо 33	61
Письмо 34	62
Письмо 35	63
Письмо 36	64
Письмо 37	65
Письмо 38	66
Письмо 39	67
Письмо 40	68
Письмо 41	69
Письмо 42	71
Письмо 43	72
Письмо 44	73
Письмо 45	74
Письмо 46	76
Письмо 47	76
Письмо 48	79
Письмо 49	80
Письмо 50	82
Письмо 51	84
Письмо 52	85

Письмо 53	87
Письмо 54	89
Письмо 55	90
Письмо 56	92
Письмо 57	94
Письмо 58	95
Письмо 59	100
Письмо 60	103
Письмо 61	103
Письмо 62	104
Письмо 63	104
Письмо 64	106
Письмо 65	108
Письмо 66	111
Письмо 67	118
Письмо 68	120
Письмо 69	122
Письмо 70	122
Письмо 71	126
Письмо 72	131
Письмо 73	132
Письмо 74	134
Письмо 75	139
Письмо 76	142
Письмо 77	146
Письмо 78	149
Письмо 79	153
Письмо 80	156
Письмо 81	157
Письмо 82	162

Письмо 83	166
Письмо 84	170
Письмо 85	171
Письмо 86	177
Письмо 87	180
Письмо 88	185
Письмо 89	192
Письмо 90	195
Письмо 91	202
Письмо 92	205
Письмо 93	211
Письмо 94	212
Письмо 95	223
Письмо 96	233
Письмо 97	234
Письмо 98	236
Письмо 99	239
Письмо 100	243
Письмо 101	245
Письмо 102	247
Письмо 103	252
Письмо 104	252
Письмо 105	257
Письмо 106	258
Письмо 107	260
Письмо 108	261
Письмо 109	267
Письмо 110	269
Письмо 111	272
Письмо 112	273

Письмо 113	274
Письмо 114	278
Письмо 115	282
Письмо 116	285
Письмо 117	286
Письмо 118	291
Письмо 119	294
Письмо 120	296
Письмо 121	299
Письмо 122	303
Письмо 123	306
Письмо 124	309
Марк Аврелий. Наедине с собой	313
Книга первая	315
Книга вторая	321
Книга третья	325
Книга четвертая	331
Книга пятая	339
Книга шестая	347
Книга седьмая	355
Книга восьмая	363
Книга девятая	371
Книга десятая	379
Книга одиннадцатая	387
Книга двенадцатая	395

Сенека

(4 год до н. э. — 65 год н. э.)

- Римский философ, политик, поэт.
- Родился в Испании (Кордове), но еще ребенком был перевезен отцом в Рим.
- Был воспитателем 11-летнего Нерона, будущего императора.
- Один из крупнейших представителей стоицизма.
- Принадлежал к высшему сенаторскому сословию.
- В 57 году Сенека получает высшую в империи должность — консула. Богатства его достигают в эту пору огромной суммы в 300 миллионов сестерциев.
- Недруги и завистники, играя на слабостях Нерона, обвинили Сенеку в участии в заговоре против императора. По приказу Нерона Сенека был приговорен к смерти с правом выбора способа самоубийства. Престарелый философ мужественно встретил несправедливый приговор и принял смерть, вскрыв себе вены.
- «Нравственные письма Луцилию» — самое крупное произведение Сенеки, дошедшее до нас в подлинниках.

Письмо 1

Сенека приветствует Луцилия!

Так и поступай, мой Луцилий! Отвоюй себя для себя самого, береги и копи время, которое прежде у тебя отнимали или крали, которое зря проходило. Сам убедись в том, что я пишу правду: часть времени у нас отбирают силой, часть похищают, часть утекает впустую. Но позорнее всех потеря по нашей собственной небрежности. Вглядишься-ка пристальней: ведь наибольшую часть жизни тратим мы на дурные дела, немалую — на безделье и всю жизнь — не на те дела, что нужно.

Укажешь ли ты мне такого, кто ценил бы время, кто знал бы, чего стоит день, кто понимал бы, что умирает с каждым часом? В том-то и беда наша, что смерть мы видим впереди; а большая часть ее у нас за плечами, — ведь сколько лет жизни минуло, все принадлежит смерти. Поступай же так, мой Луцилий, как ты мне пишешь: не упускай ни часу. Удержишь в руках сегодняшний день — меньше будешь зависеть от завтрашнего. Не то, пока будешь откладывать, вся жизнь и промчится.

Все у нас, Луцилий, чужое, одно лишь время наше. Только время, ускользающее и текучее, дала нам во владенье природа, но и его кто хочет, тот и отнимает. Смертные же глупы: получив что-нибудь ничтожное, дешевое и наверняка легко возместимое, они позволяют предъявлять себе счет; а вот те, кому уделили время, не считают себя должниками, хотя единственно времени и не возвратит даже знающий благодарность.

Быть может, ты спросишь, как поступаю я, если смею тебя поучать? Признаюсь чистосердечно: как расточитель, тщательный в подсчетах, я знаю, сколько растратил. Не могу сказать, что не теряю ничего, но сколько теряю, почему и как, скажу и назову причины моей бедности. Дело со мною обстоит так же, как с большинством тех, кто не через собственный порок дошел до нищеты; все меня прощают, никто не помогает.

Ну так что ж? По-моему, не беден тот, кому довольно и самого малого остатка. Но ты уж лучше береги свое достояние сейчас: ведь начать самое время! Как считали наши предки, поздно быть бережливым, когда осталось на донышке. Да к тому же остается там не только мало, но и самое скверное. Vale*.

* Сенека заканчивал свои письма словом *vale*, которое обычно ошибочно переводят как «прощай». Однако оно имеет тот же корень, что и слова *value* («ценность») или *valor* («доблесть») и означает одновременно «будь сильным» (то есть несокрушимым) и «будь достойным». *Прим. ред.*

Письмо 2

Сенека приветствует Луцилия!

И то, что ты мне писал, и то, что я слышал, внушает мне на твой счет немалую надежду. Ты не странствуешь, не тревожишь себя переменою мест. Ведь такие метания — признак больной души. Я думаю, первое доказательство спокойствия духа — способность жить оседло и оставаться с самим собою.

Но взгляни: разве чтение множества писателей и разнообразнейших книг не сродни бродяжничеству и непоседливости? Нужно долго оставаться с тем или другим из великих умов, питая ими душу, если хочешь извлечь нечто такое, что в ней бы осталось. Кто везде — тот нигде. Кто проводит жизнь в странствиях, у тех в итоге гостеприимцев множество, а друзей нет. То же самое непременно будет и с тем, кто ни с одним из великих умов не освоится, а пробегает всё второпях и наспех.

Не приносит пользы и ничего не дает телу пища, если ее извергают, едва проглотивши. Ничто так не вредит здоровью, как частая смена лекарств. Не зарубцется рана, если пробовать на ней разные снадобья. Не окрепнет растение, если часто его пересаживать. Даже самое полезное не приносит пользы на лету. Во множестве книги лишь рассеивают нас. Поэтому, если не можешь прочесть все, что имеешь, имей столько, сколько прочтешь, — и довольно.

«Но, — скажешь ты, — иногда мне хочется развернуть эту книгу, иногда дружую». — Отведывать от множества блюд — признак пресыщенности, чрезмерное же разнообразие яств не питает, но портит желудок. Потому читай всегда признанных писателей, а если вздумается порой отвлечься на другое, возвращайся к оставленному. Каждый день запасай что-нибудь против бедности, против смерти, против всякой другой напасти и, пробежав многое, выбери одно, что можешь переварить сегодня.

Я и сам так делаю: из многого прочитанного что-нибудь одно запоминаю. Сегодня вот на что натолкнулся я у Эпикура (ведь я частенько перехожу в чужой стан, не как перебежчик, а как лазутчик):

«Веселая бедность, — говорит он, — вещь честная». Но какая же это бедность, если она веселая? Беден не тот, у кого мало что есть, а тот, кто хочет иметь больше. Разве ему важно, сколько у него в ларях и в закромах, сколько он пасет и сколько получает и сотню, если он зарится на чужое и считает не приобретенное, а то, что надобно еще приобрести? Ты спросишь, каков предел богатства? Низший — иметь необходимое, высший — иметь столько, сколько с тебя довольно. Будь здоров.

Письмо 3

Сенека приветствует Луцилия!

Ты пишешь, что письма для передачи мне отдал другу, а потом предупреждаешь, чтобы не всем, тебя касающимся, я с ним делился, потому что и сам ты не имеешь обыкновения делать так. Выходит, в одном письме ты и признаёшь, и не признаёшь его своим другом. Ладно еще, если ты употребил это слово как расхожее и назвал его «другом» так же, как всех соискателей на выборах мы называем «доблестными мужами» или как встречного, если не можем припомнить его имени, приветствуем обращением «господин».

Но если ты кого-нибудь считаешь другом и при этом не веришь ему, как самому себе, значит, ты заблуждаешься и не ведаешь, что есть истинная дружба. Во всем старайся разобраться вместе с другом, но прежде разберись в нем самом. Подружившись, доверяй, суди же до того, как подружился. Кто вопреки наставлению Феофраста судит, полюбив, вместо того чтобы любить, составив суждение, те путают, что должно делать раньше, что позже. Долго думай, стоит ли становиться другом тому или этому, но, решившись, принимай друга всей душой и говори с ним так же смело, как с собою самим.

Живи так, чтобы и себе самому не приводилось признаваться в чем-нибудь, чего нельзя доверить даже врагу, но раз есть вещи, которые принято держать в тайне, делись лишь с другом всеми заботами, всеми мыслями. Будешь считать его верным — верным и сделаешь. Нередко учат обману тем, что обмана боятся, и подозрениями дают право быть вероломным. Почему не могу я произнести те или иные слова в присутствии друга? Почему мне не думать, что в его присутствии я все равно что наедине с собой?

Одни первому встречному рассказывают о том, что можно поведать только другу, и всякому, лишь бы он слушал, выкладывают все, что у них накопело. Другому боязно, чтобы и самые близкие что-нибудь о них знали; эти, если бы могли, сами себе не доверяли бы, потому они и держат все про себя. Делать не следует ни так, ни этак: ведь порок — и верить всем, и никому не верить, только, я сказал бы, первый порок благороднее, второй — безопаснее.

Точно так же порицанья заслуживают и те, что всегда обеспокоены, и те, что всегда спокойны. Ведь и страсть к суете — признак не деятельного, но мятущегося в постоянном возбуждении духа, и привычка считать каждое движение тягостным — признак не безмятежности, но изнеженности и распущенности.

Поэтому удержи в душе слова, которые вычитал я у Помпония: «Некоторые до того забились во тьму, что неясно видят все освещенное». Все должно сочетаться: и любителью покоя нужно действовать, и деятельному — побыть в покое. Спроси совета у природы: она скажет тебе, что создала и день, и ночь. Будь несокрушимым.

Письмо 4

Сенека приветствует Луцилия!

Упорно продолжай то, что начал, и поспеши сколько можешь, чтобы подольше наслаждаться совершенством и спокойствием твоей души. Есть наслаждение и в том, чтобы совершенствовать ее, чтобы стремиться к спокойствию; но совсем иное наслаждение ты испытываешь, созерцая дух, свободный от порчи и безупречный.

Ты, верно, помнишь, какую радость испытал ты, когда, сняв претексту, надел на себя мужскую тогу и был выведен на форум? Еще большая радость ждет тебя, когда ты избавишься от ребяческого нрава и философия запишет тебя в число мужей. Ведь и до сей поры остается при нас уже не ребяческий возраст, но, что гораздо опаснее, ребячливость. И это — тем хуже, что нас чтут как стариков, хотя в нас живут пороки мальчишек, и не только мальчишек, но и младенцев; ведь младенцы боятся вещей пугающих, мальчишки — мнимых, а мы — и того и другого.

Сделай шаг вперед — и ты поймешь, что многое не так страшно как раз потому, что больше всего пугает. Никакое зло не велико, если оно последнее. Пришла к тебе

смерть? Она была бы страшна, если бы могла оставаться с тобою, она же или не явится, или скоро будет позади, никак не иначе.

«Нелегко, — скажешь ты, — добиться, чтобы дух презрел жизнь». Но разве ты не видишь, по каким ничтожным причинам от нее с презреньем отказываются? Один повесился перед дверью любовницы, другой бросился с крыши, чтобы не слышать больше, как бушует хозяин, третий, пустившись в бега, вонзил себе клинок в живот, только чтобы его не вернули. Так неужели, по-твоему, добродетели не под силу то, что делает чрезмерный страх? Спокойная жизнь не для тех, кто слишком много думает о ее продлении, кто за великое благо считает пережить множество консульств.

Каждый день размышляй об этом, чтобы ты мог равнодушно расстаться с жизнью, за которую многие цепляются и держатся, словно уносимые потоком за колючие кусты и острые камни. Большинство так и мечется между страхом смерти и мученьями жизни; жалкие, они и жить не хотят, и умереть не умеют.

Сделай же свою жизнь приятной, оставив всякую тревогу о ней. Никакое благо не принесет радости обладателю, если он в душе не готов его утратить, и всего безболезненней утратить то, о чем невозможно жалеть, утратив. Поэтому укрепляй мужеством и закаляй свой дух против того, что может произойти даже с самыми могущественными.

Смертный приговор Помпею вынесли мальчишка и скопец, Крассу — жестокий и наглый парфянин. Гай Цезарь приказал Лепиду подставить шею под меч трибуна Декстра — и сам подставил ее под удар Хереи. Никто не был так высоко вознесен фортуной, чтобы угрозы ее были меньше ее попустительства. Не верь затишью: в один миг море взволнуется и поглотит только что резвившиеся корабли.

Подумай о том, что и разбойник, и враг могут приставить тебе меч к горлу. Но пусть не грозит тебе высокая власть — любой раб волен распоряжаться твоей жизнью и смертью. Я скажу так: кто презирает собственную жизнь, тот стал хозяином твоей. Вспомни пример тех, кто погиб от домашних козней, извещенный или силой, или хитростью, — и ты поймешь, что гнев рабов погубил не меньше людей, чем царский гнев. Так какое тебе дело до могущества того, кого ты боишься, если то, чего ты боишься, может сделать всякими?

Вот ты попал в руки врага, и он приказал вести тебя на смерть. Но ведь и так идешь ты к той же цели! Зачем же ты обманываешь себя самого, будто лишь сейчас постиг то, что всегда с тобой происходило? Говорю тебе: с часа твоего рождения идешь ты к смерти. Об этом должны мы думать и помнить постоянно, если хотим безмятежно дождаться последнего часа, страх перед которым лишает нас покоя во все остальные часы.

А чтобы мог я закончить письмо, узнай, что приглянулось мне сегодня (и это сорвано в чужих садах): «Бедность, сообразная закону природы, — большое богатство». Знаешь ты, какие границы ставит нам этот закон природы? Не терпеть ни жажды, ни голода, ни холода. А чтобы прогнать голод и жажду, тебе нет нужды обивать надменные пороги, терпеть хмурую спесь или оскорбительную приветливость, нет нужды пытаться счастье в море или идти следом за войском. То, чего требует природа, доступно и достижимо, потеем мы лишь ради избытка.

Ради него изнашиваем мы тогу, ради него старимся в палатках лагеря, ради него заносит нас на чужие берега. А то, чего с нас довольно, у нас под рукой. Кому и в бедности хорошо, тот богат. Будь сильным.

Письмо 5

Сенека приветствует Луцилия!

Я радуюсь твоему упорству в занятиях и рвению, которое побуждает тебя, забросив все, только о том и стараться, чтобы с каждым днем становиться все лучше, и хвалю тебя за них. Будь и впредь так же упорен, тут я не только поощряю тебя, но и прошу. Об одном лишь хочу предупредить тебя: не поступай подобно тем, кто желает не усовершенствоваться, а только быть на виду, и не делай так, чтобы в одежде твоей или в образе жизни что-нибудь бросалось в глаза.

Избегай появляться неприбранным, с нестриженной головой и запущенной бородой, выставлять напоказ ненависть к серебру, стелить постель на голой земле — словом, всего, что делается ради извращенного удовлетворения собственного тщеславия. Ведь само имя философии вызывает достаточно ненависти, даже если приверженцы ее ведут себя скромно; что же будет, если мы начнем жить наперекор людским обычаям? Пусть изнутри мы будем иными во всем — снаружи мы не должны отличаться от людей.

Пусть не будет блистательной тога — но и грязной тоже; пусть не для нас серебряная утварь с украшениями из литого золота — но не надо считать лишь отсутствие золота и серебра свидетельством умеренности. Будем делать все, чтобы жить лучше, чем толпа, а не наперекор толпе, иначе мы отпугнем от себя и обратим в бегство тех, кого хотим исправить. Из страха, что придется подражать нам во всем, они не пожелают подражать нам ни в чем — только этого мы и добьемся.

Первое, что обещает дать философия, — это умение жить среди людей, благожелательность и общительность; но несходство с людьми не позволит нам сдержать это обещание. Позаботимся же, чтобы то, чем мы хотим вызвать восхищение, не вызывало смеха и неприязни. Ведь у нас нет другой цели, как только жить в согласии с природой. Но противно природе изнурять свое тело, ненавидеть легкодоступную опрятность, предпочитая ей нечистоплотность, избирать пищу не только дешевую, но и грубую и отвратительную.

Только страсть к роскоши желает одного лишь изысканного, — но только безумие избегает недорогого и общепотребительного. Философия требует умеренности — не пытки; а умеренность не должна быть непременно неопрятной. Вот мера, которая мне по душе: пусть в нашей жизни сочетаются добрые нравы с нравами большинства, пусть люди удивляются ей, но признают.

«Как же так? Неужто и мы будем поступать, как все прочие, и между ними и нами не будет никакого различия?» — Будет, и очень большое. Пусть тот, кто приглядится к нам ближе, знает, насколько отличаемся мы от толпы. Пусть вошедший в наш дом дивится нам, а не нашей посуде. Велик тот человек, кто глиняной утварью пользуется

как серебряной, но не менее велик и тот, кто серебряной пользуется как глиняной. Слаб духом тот, кому богатство не по силам.

Но хочу и сегодня поделиться с тобой моим небольшим доходом: я нашел у нашего Гекатона, что покончить со всеми желаниями полезно нам для исцеления от страха. «Ты перестанешь бояться, — говорит он, — если и надеяться перестанешь». Ты спросишь, как можно уравнивать столь разные вещи. Но так оно и есть, мой Луцилий: хотя кажется, что между ними нет ничего общего, на самом деле они связаны. Как одна цепь связывает стража и пленного, так страх и надежда, столь несхожие между собой, приходят заодно: вслед за надеждой является страх.

Я и не удивляюсь этому: ведь оба они присущи душе неуверенной, тревожимой ожиданием будущего. А главная причина надежды и страха — наше неуменье приравниваться к настоящему и привычка засыпать наши помыслы далеко вперед. Так предвиденье, величайшее из данных человеку благ, оборачивается во зло.

Звери бегут только при виде опасностей, а убежав от них, больше не испытывают страха. Нас же мучит и будущее, и прошедшее. Из наших благ многие нам вредят: так память возвращает нас к пережитым мукам страха, а предвиденье предвосхищает муки будущие. И никто не бывает несчастен только от нынешних причин. Будь здоров.

Письмо 6

Сенека приветствует Луцилия!

Я понимаю, Луцилий, что не только меняю к лучшему, но и становлюсь другим человеком. Я не хочу сказать, будто во мне уже нечего переделывать, да и не надеюсь на это. Как может больше не быть такого, что надо было бы исправить, поубавить или приподнять? Ведь если душа видит свои недостатки, которых прежде не знала, это свидетельствует, что она обратилась к лучшему. Некоторых больных надо поздравлять и с тем, что они почувствовали себя больными.

Я хочу, чтобы эта так быстро совершающаяся во мне перемена передалась и тебе: тогда я бы еще крепче поверил в нашу дружбу — истинную дружбу, которой не расколют ни надежда, ни страх, ни корысть, такую, которую хранят до смерти, ради которой идут на смерть.

Я назову тебе многих, кто лишен не друзей, но самой дружбы. Такого не может быть с теми, чьи души объединяет общая воля и жажда честного. Как же иначе? Ведь они знают, что тогда у них все общее, особенно невзгоды. Ты и представить себе не можешь, насколько каждый день, как я замечаю, движет меня вперед.

«Но если ты что нашел и узнал его пользу по опыту, поделись со мною!» — скажешь ты. Да ведь я и сам хочу все перелить в тебя и, что-нибудь выучив, радуюсь лишь потому, что смогу учить. И никакое знание, пусть самое возвышенное и благотворное, но лишь для меня одного, не даст мне удовольствия. Если бы мне подарили мудрость, но с одним условием: чтобы я держал ее при себе и не делился ею, — я бы от нее отказался. Любое благо нам не на радость, если мы обладаем им в одиночку.

Пошлю я тебе и книги, а чтобы ты не тратил труда на поиски вещей полезных, сделаю пометки, по которым ты сразу найдешь все, что я одобряю и чем восхищаюсь. Но больше пользы, чем слова, принесли бы тебе живой голос мудрецов и жизнь рядом с ними. Лучше прийти и видеть все на месте, во-первых, потому, что люди верят больше глазам, чем ушам*, во-вторых, потому, что долгие пути наставлений, краток и убедителен путь примеров.

Не стал бы Клеанф точным подобием Зенона, если бы он только слышал его. Но ведь он делил с ним жизнь, видел скрытое, наблюдал, живет ли Зенон в согласии со своими правилами. И Платон, и Аристотель, и весь сонм мудрецов, которые потом разошлись в разные стороны, больше почерпнули из нравов Сократа, чем из слов его. Метродора, и Гермарха, и Поллена сделали великими людьми не уроки Эпикура, а жизнь с ним вместе. Впрочем, зову я тебя не только ради той пользы, которую ты получишь, но и ради той, которую принесешь; вдвоем мы больше дадим друг другу.

Кстати, за мной ежедневный подарок. Вот что понравилось мне нынче у Гекатона: «Ты спросишь, чего я достиг? Стал самому себе другом!» Достиг он немало, ибо теперь никогда не останется одинок. И знай: такой человек всем будет другом. Будь несокрушимым.

Письмо 7

Сенека приветствует Луцилия!

Ты спрашиваешь, чего тебе следует больше всего избегать? Толпы? Ведь к ней не подступить без опасности! Признаюсь тебе в своей слабости: никогда не возвращаюсь я таким же, каким вышел. Что я успокоил, то вновь приходит в волнение, что гнал от себя — возвращается. Как бывает с больными, когда долгая слабость доводит их до того, что они и выйти не могут без вреда для себя, так случается и с нами, чьи души выזורавливают после долгого недуга.

Нет врага хуже, чем толпа, в которой ты трешься. Каждый непременно либо прельстит тебя своим пороком, либо заразит, либо незаметно запачкает. Чем сборище многочисленней, тем больше опасности. И нет ничего гибельней для добрых нравов, чем зрелища: ведь через наслаждение еще легче подкрадываются к нам пороки.

Что я, по-твоему, говорю? Возвращаюсь я более скупым, более честолюбивым, падким до роскоши и уж наверняка более жестоким и бесчеловечным: и все потому, что побыл среди людей. Случайно попал я на полуденное представление, надеясь отдохнуть и ожидая игр и остроумия — того, на чем взгляд человека успокаивается после вида человеческой крови. Какое там! Все прежнее было не боем, а сплошным милосердием, зато теперь — шутки в сторону — пошла настоящая резня! Прикрываться нечем, все тело подставлено под удар, ни разу ничья рука не поднялась понапрасну.

* Ср. Гораций. Наука поэзии, 180–181 (пер. М. Гаспарова): «То, что дошло через слух, всегда волнует слабее, / Нежели то, что зорким глазам предстает необманно».

И большинство предпочитает это обычным парам и самым любимым бойцам! А почему бы и нет? Ведь нет ни шлема, ни щита, чтобы отразить меч! Зачем доспехи? Зачем приемы? Все это лишь оттягивает миг смерти. Утром люди отданы на растерзание львам и медведям, в полдень — зрителям. Это они велят убитым идти под удар тех, кто их убьет, а победителей шадят лишь для новой бойни. Для сражающихся нет иного выхода, кроме смерти. В дело пускают огонь и железо, и так покуда не опустеет арена.

«Но он занимался разбоем, убил человека». — Кто убил, сам заслужил того же. Но ты, несчастный, за какую вину должен смотреть на это? — «Режь, бей, жги! Почему он так робко бежит на клинок? Почему так несмело убивает? Почему так неохотно умирает?» — Бичи гонят их на меч, чтобы грудью, голой грудью встречали противника удар. В представлениях перерыв? Так пусть тем временем убивают людей, лишь бы что-нибудь происходило.

Как вы не понимаете, что дурные примеры оборачиваются против тех, кто их подает? Благодарите бессмертных богов за то, что вы учите жестокости неспособного ей выучиться.

Дальше от народа пусть держится тот, в ком душа еще не окрепла и не стала стойкой в добре: такой легко переходит на сторону большинства. Даже Сократ, Катон и Лелий отступились бы от своих добродетелей посреди несхожей с ними толпы, а уж из нас, как ни совершенствуем мы свою природу, ни один не устоит перед натиском со всех сторон подступающих пороков.

Много зла приносит даже единственный пример расточительности и скупости; избалованный приятель и нас делает слабыми и изнеженными, богатый сосед распалает нашу жадность, лукавый товарищ даже самого чистого и простодушного заразит своей ржавчиной. Что же, по-твоему, будет с нашими нравами, если на них ополчился целый народ? Непременно ты или станешь ему подражать, или его возненавидишь.

Между тем и того и другого надо избегать: нельзя уподобляться злым оттого, что их много, нельзя ненавидеть многих оттого, что им не уподобляешься. Уходи в себя, насколько можешь; проводи время только с теми, кто сделает тебя лучше, допускай к себе только тех, кого ты сам можешь сделать лучше. И то и другое совершается взаимно, люди учатся, обучая.

Значит, незачем тебе ради честолюбивого желанья выставлять напоказ свой дар, выходить на середину толпы и читать ей вслух либо рассуждать перед нею; по-моему, это стоило бы делать, будь твой товар ей по душе, а так никто тебя не поймет. Может быть, один-два человека тебе и попадутся, но и тех тебе придется образовывать и наставлять, чтобы они тебя поняли. «Но чего ради я учился?» — Нечего бояться, что труд твой пропал даром: ты учился ради себя самого.

Но я-то не ради себя одного учился сегодня и потому сообщу тебе, какие мне попались три замечательных изречения — все почти что об одном и том же. Первое пусть погасит долг в этом письме, два других прими в уплату вперед. Демокрит пишет: «Для меня один человек — что целый народ, а народ — что один человек».

И тот, кто на вопрос, зачем он с таким усердием занимается искусством, которое дойдет лишь до немногих, отвечал: «Довольно с меня и немногих, довольно с меня и одного, довольно с меня и ни одного», — сказал тоже очень хорошо, кто бы он ни был

(на этот счет есть разные мнения). Превосходно и третье изречение — Эпикура, писавшего одному из своих товарищей по ученым занятиям: «Это я говорю для тебя, а не для толпы: ведь каждый из нас для другого стóит битком набитого театра».

Вот что, мой Луцилий, нужно сберечь в душе, чтобы пренебречь удовольствием, доставляемым похвалами большинства. Многие тебя одобряют. Так есть ли у тебя причины быть довольным собой, если многим ты понятен? Вовнутрь должны быть обращены твои достоинства! Будь сильным.

Письмо 8

Сенека приветствует Луцилия!

«Ты приказываешь мне избегать толпы, — пишешь ты, — уединиться и довольствоваться собственной совестью. А как же ваши наставления, повелевающие трудиться до самой смерти?» — Но то, к чему я тебя склоняю скрыться и запереть двери, я сам сделал, чтобы многим принести пользу. Ни одного дня я не теряю в праздности, даже часть ночи отдаю занятиям. Я не иду спать, освободившись: нет, сон одолевает меня, а я сижу, уставившись в свою работу усталыми от бодрствования, слипающимися глазами.

Я удалился не только от людей, но и от дел, прежде всего моих собственных, и занялся делами потомков. Для них я записываю то, что может помочь им. Как составляют полезные лекарства, так я заносу на листы спасительные наставления, в целительности которых я убедился на собственных ранах: хотя мои язвы не закрылись совсем, но расплзаться вширь перестали.

Я указываю другим тот правильный путь, который сам нашел так поздно, устав от блужданий. Я кричу: «Избегайте всего, что любит толпа, что подбросил вам случай! С подозрением и страхом остановитесь перед всяким случайным благом! Ведь и рыбы, и звери ловятся на приманку сладкой надежды! Вы думаете, это дары фортуны? Нет, это ее козни. Кто из вас хочет прожить жизнь насколько возможно безопаснее, тот пусть бежит от этих вымазанных птичьим клеем благодеяний, обманывающих нас, несчастных, еще и тем, что мы, возомнив, будто добыча наша, сами становимся добычей. Погоня за ними ведет в пропасть.

Исход высоко вознесшейся жизни один — паденье. К тому же нельзя и сопротивляться, когда счастье начинает водить нас вкривь и вкось. Или уж плыть прямо, или разом ко дну! Но фортуна не сбивает с пути — она опрокидывает и кидает на скалы.

Угождайте же телу лишь настолько, насколько нужно для поддержания его крепости, и такой образ жизни считайте единственно здоровым и целебным. Держите тело в строгости, чтобы оно не перестало повиноваться душе: пусть пища лишь утоляет голод, питье — жажду, пусть одежда защищает тело от холода, а жилище — от всего ему грозящего. А возведено ли жилище из дерна или из пестрого заморского камня, разницы нет: знайте, под соломенной кровлей человеку не хуже, чем под золотой. Презирайте все, что ненужный труд создает ради украшения или напоказ. Помните: ничто, кроме души, недостойно восхищения, а для великой души все меньше нее».

И когда я беседую так с самим собою, беседую с потомками, неужели, по-твоему, я приношу меньше пользы, чем отпраляясь в суд ходатаем, или припечатывая перстнем таблички с завещанием, или в сенате отдавая руку и голос соискателю должности? Поверь мне, кто кажется бездельником, тот занят самыми важными делами, и божественными и человеческими вместе. Однако пора кончать и, по моему правилу, чем-нибудь расквитаться с тобой и в этом письме. Уплачу я не из собственных запасов; я до сих пор все просматриваю Эпикура и сегодня вычитал у него такие слова: «Стань рабом философии, чтобы добыть подлинную свободу». И если ты предался и подчинился ей, твое дело не будет откладываться со дня на день: сразу же ты получишь вольную. Потому что само рабство у философии есть свобода.

Может статься, ты спросишь меня, отчего я беру столь прекрасных изречений у Эпикура, а не у наших. Но почему ты думаешь, что подобные слова принадлежат одному Эпикуру, а не всем людям? Ведь как много поэты говорят такого, что или сказано, или должно быть сказано философами! Я не беру ни трагедии, ни нашей тогаты, которая тоже не лишена серьезности и стоит посредине между трагедией и комедией; но и в мимах столько есть красноречивых строк! Сколько стихов Публилия надо бы произносить не обутым в сандалии, но выступающим на котурнах! Я приведу один его стих, имеющий касательство к философии, и как раз к той ее части, которой мы только что занимались; в нем поэт утверждает, что случайно доставшееся нельзя считать своим:

Чужое, что по вашему хотенью вдруг
Свалилось нам.

Но ты, я помню, говорил другой стих, намного лучше и короче:

Не наше то, что нам дано фортуною.

А это твое изречение (я не пропущу и его) даже еще лучше:

Все, что дано нам, может быть и отнято.

Но этого я не зачту в погашение долга: я лишь отдал тебе твое же. Будь достойным.

Письмо 9

Сенека приветствует Луцилия!

Ты хочешь знать, справедливо ли Эпикур в одном из писем порицал тех, кто утверждает, будто мудрецу никто, кроме него самого, не нужен, и потому ничьей дружбы не требуется. Этот упрек Эпикур бросает Стильпону и тем, кто думает, что высшее благо — когда душа ничего не терпит.

Впрочем, мы неизбежно впадаем в двусмысленность, если для краткости переведем слово *αταξια*, прибегая к слову «терпеть». Ведь можно подумать, будто смысл тут противоположен тому, что мы имеем в виду. Мы хотели сказать: «душа, которой безразлична любая боль», а понять можно так: «душа, которая не может вытерпеть»

никакой боли». Погляди же сам, не лучше ли будет сказать «неуязвимая душа» или «душа, недоступная для любого страдания»?

В том и разница между ними и нами: наш мудрец побеждает все неприятное, но чувствует его, а их мудрец даже и не чувствует. Общее же и у нас и у них вот что: мудрому никто, кроме него самого, не нужен. Но хоть с него и довольно самого себя, ему все же хочется иметь и друга, и соседа, и товарища.

Сам посуди, до какой степени довольствуется сам собой тот, кто порой довольствуется и частью самого себя. Если болезнь или враг лишат его руки, если случай отнимет у него глаз, мудрецу хватает того, что осталось, он и с искалеченным телом будет так же весел, как был до увечий. Но хоть он и не тоскует о потерянном, однако предпочел бы обойтись без потерь.

Так же точно никто, кроме него самого, не нужен мудрецу не потому, что он хочет жить без друзей, а потому, что может. Говоря «может», я имею в виду вот что: со спокойной душой перенесет он потерю. Ведь без друзей он не останется никогда, и в его власти решать, сколь быстро найти замену. Фидий, если бы потерял статую, сразу сделал бы дружгу. Так же и он — мастер завязывать дружбу — заместил бы утраченного друга новым.

Ты спросишь, как можно быстро приобрести чью-нибудь дружбу; я отвечу, если мы договоримся, что я сейчас отдам тебе долг и по этому письму мы будем в расчете. Гекатон говорит: «Я укажу приворотное средство без всяких снадобий, без трав, без заклинаний знахарки. Если хочешь, чтоб тебя любили, — люби». Не только старая, испытанная дружба приносит нам великое наслаждение, но и начало новой, только лишь приобретаемой.

Между приобретшим друга и приобретающим его та же разница, что между жнецом и сеятелем. Философ Аттал не раз говорил, что приятнее добиваться дружбы, чем добиться ее, как художнику приятнее писать картину, чем ее окончить. Кто занимается своим произведением с душевным беспокойством, тот в самом занятии находит великую усладу. Выпуская из рук законченное произведение, он уже не будет так наслаждаться: теперь он радуется плодам своего искусства, а пока он писал, его радовало само искусство. Отрочество наших детей щедрее плодами, но их младенчество нам милее.

Но вернемся к нашему предмету. Пусть мудрому никто, кроме него самого, не нужен, он все-таки желает иметь друга, хотя бы ради деятельной дружбы, чтобы не оставалась праздною столь великая добродетель, и не ради того, чтобы, как говорит Эпикур в том же письме, «было кому ухаживать за ним в болезни, помогать в оковах или в нужде», но чтобы самому было за кем ухаживать в болезни, кого вызволять из-под вражеской стражи. Плохи мысли того, кто подружился, видя лишь самого себя; как он начал, так и кончит. Кто завел друга, чтобы тот выручал из цепей, тот покинет его, едва загремят оковы.

Таковы дружеские союзы, которые народ называет временными. С кем мы сошлись ради пользы, мил нам, лишь покуда полезен. Вот почему вокруг того, чьи дела процветают, — толпа друзей, а вокруг потерпевших крушение — пустыня. Друзья бегут оттуда, где испытывается дружба. Вот почему видим мы так много постыдных примеров, когда одни из страха бросают друзей, другие из страха предают их. Каково начало, таков конец, иначе и быть не может. Кто подружился ради выгоды, тому будет дорога

награда за измену дружбе, коль скоро и в ней было дорого ему что-нибудь, кроме нее самой.

Для чего приобретаю я друга? Чтобы было за кого умереть, за кем пойти в изгнание, за чью жизнь бороться и отдать жизнь. А дружба, о которой ты пишешь, та, что заключается ради корысти и смотрит, что можно выгадать, — это не дружба, а сделка.

Нет сомнения, страсть влюбленных имеет с дружбой нечто общее, ее можно бы даже назвать безрассудной дружбой. Но разве любит кто-нибудь ради прибыли? Ради честолюбия и славы? Любовь сама по себе, пренебрегая всем остальным, зажигает души вожделием к красоте, не чуждым надежды на ответную нежность. Как же так? Неужели причина более честная родит постыдную страсть?

Ты возразишь мне: «Не о том сейчас речь, надо ли искать дружбы ради нее самой или ради иной цели». Наоборот, как раз это и надобно доказать. Ведь если надо искать ее ради нее самой, значит, и тот, кто ни в ком, кроме себя, не нуждается, может искать ее. — «Как же он будет ее искать?» — Как ищут самое прекрасное, не прельщаясь прибылью, не боясь переменчивости фортуны. Кто заводит друзей на всякий случай, тот лишает дружбу ее величия.

Мудрому никто, кроме него самого, не нужен. Многие, Луцилий, толкуют эту мысль превратно: изгоняют мудреца отовсюду и заставляют его замкнуться в своей скорлупе. Между тем следует разобраться, много ли обещает это изречение и что обещает. Мудрому довольно самого себя для того, чтобы жить блаженно, а не для того, чтобы жить. Для жизни ему многое потребно, а для блаженства только высокий и здоровый дух, презирающий фортуны.

Я хочу сослаться на Хрисиппа, какое он принимает разделение. Он говорит, что мудрец ни в чем не терпит нужды, хотя потребно ему многое, глупому же ничего не требуется, потому что он ничем не умеет пользоваться, зато нужду он терпит во всем. Мудрецу нужны и руки, и глаза, и еще многое, без чего не обойтись в повседневной жизни, а нужды он не терпит ни в чем. Ведь нужда — это необходимость, а для мудрого необходимости нет.

Значит, хотя мудрец и довольствуется самим собой, в друзьях он все же имеет потребность и хочет иметь их как можно больше, но не для блаженной жизни, — ведь жить блаженно может он и без друзей. Высшее благо не ищет орудий вонве: оно создается дома и возникает только само из себя. Если же хоть какая-то часть его заимствуется извне, оно уже зависит от фортуны.

«А как будет жить мудрец, если он, взятый под стражу, переселенный на чужбину, замешкавшийся в долгом плавании, выброшенный на пустынный берег, останется без друзей?» — Как Юпитер в ту пору, когда мир расточится, боги сольются воедино, природа замрет в неподвижности, а сам он успокоится, предавшись думам. Нечто подобное делает и мудрый: он замыкается в себе, остается с самим собой.

Покуда, однако, он может вершить дела по своему усмотрению, он, хоть ни в ком, кроме себя, не нуждается, берет жену, хоть ни в ком не нуждается, родит детей, хоть ни в ком не нуждается, не станет жить, если придется жить, не видя ни единого человека. К дружбе влечет его не собственная польза, а естественная тяга. Ведь от роду заложено в нас влечение ко многим вещам, в их числе и к дружбе. Подобно тому как

[Почитать описание, рецензии
и купить на сайте](#)

Лучшие цитаты из книг, бесплатные главы и новинки:

